

ТАЛИСМАН АВИЦЕННЫ

ЛЕВ ОШАНИН

Ташкент
Издательство литературы и искусства
имени Гафура Гуляма
1980

ЛЕВ ОШАНИН

ТАЛИСМАН АВИЦЕННЫ

Роман в балладах

Ташкент

**Издательство литературы и искусства
имени Гафура Гуляма**

1980

70403 — 222
О ————— Доп—80 4702010200
М 352 (04) — 80

© Издательство литературы и искусства
имени Гафура Гуляма, 1980 г.

*Вашу ложь не приемлю: я не лицемер,
Поклоняюсь я Истине — лучшей из вер.
Я один. Но неверным меня не считайте,
Ибо истинной веры я первый пример.*
Ибн Сина*

* Стихи Ибн Сины даны в переводе Н. Стрижкова.

Может быть, потому он из века иного
Входит в книгу мою через тысячу лет,
Что сегодня опять у постели больного
Размышлений его загорается свет.

В поэзии рифма бывает бесценна,
А закон консонансной рифмы таков:
«Медицина» рифмуется с «Авиценной»
Вот уже десять летящих веков.
С Авиценной рифмуется звездное небо,
Математика, музыка, солнце и тьма.
С Авиценной рифмуется быль и небыль
И поэзия даже сама.

Почему он внезапно ворвался в мой стих,
Этот мальчик, такой необычный и странный?
В десять лет уже знал он все суры Корана,
А в шестнадцать всю книжную мудрость постиг.
Кем хотел объявиться он?

Законоведом?

Астрономом? Слагателем пышных поэм?
Не искал он путей к этим легким победам,
Он, посмевавший однажды воскликнуть: «Зачем?»

Навзничь падает воин, пронзенный стрелою,
Гаснет мальчик, еще несмышлениш совсем,
Умирает в слезах та, что жгла красотой,
Гибнет друг, самый близкий на свете...

Зачем?

Смерть приходит от капли змеиного яда,
От огня, что в груди не остудишь ничем,
От руки палача, от внезапной прохлады,

От ничтожной занозы, от жажды...
Зачем?

Люди, стрелки бессонных хронометров сверьте,
Если с вечностью вы принимаете бой.
Он пошел по земле развязать узел смерти
И того, кто посмеет, позвал за собой.

Если слепнут глаза или руки болят,
 Ты иди на базар в аметистовый ряд.
 Старый маг и крикливый его казначей
 Объяснит тебе там, что не нужно врачей,
 Что здоровье твое — в драгоценных камнях, —
 В них вложил потаенную силу Аллах.
 — Ты носи их на пальце, ты прячь их в чалму.
 Чтоб тебе помогли, не давай никому.
 Ты на нитке носи их, на шею надев.
 Вот агат, он залог непорочности дев.
 Добрый маг тебе тайну Аллаха открыл:
 — От бельма и проказы спасает берилл.
 От паденья с коня сбережет бирюза
 И она укрепит, если надо, глаза.
 Берегут тебя, чтобы ты был светлолик,
 Беозар и сапфир, жемчуг и сердолик.
 Караванщик, кривя недоверчивый рот,
 Все же, пояс помучив, динар достает.
 И старуха с бельмом, подпираясь клюкой,
 Тоже тянет монетку дрожащей рукой.

Глядя, как возле камешков кружит народ,
По базару бухарскому мальчик идет.
Он еще не умеет читать и писать,
От болезней людей не умеет спасать.
Но в глазах у него недоверья огонь.
— погоди, — говорит он и тянет ладонь. —
Видишь, нищий с горбом, никому он не мил.
Дай мне камень, чтоб я ему горб распрямил.
Маг замолк и на миг захлебнулся слюной.
— Враг тебя подослал подшутить надо мной.
— Что ты, мудрый! Я слышал и слышал базар —
От паденья с коня бережет бирюзу,
Ты найди поскорей бирюзу для меня,
Чтоб мой старый верблюд не свалился с коня.
— А-а-а-а... — затрясся «спасающий нас от беды»
И за мальчиком кинулся через ряды.
Но приметив богатого толстяка,
Вновь завел свою песню, схватясь за бока:
— Сны дурные алмаз отогнать будет рад.
И вспотеет, когда поднесут к тебе яд.

Охраняют тебя, чтобы ты не пропал,
Оникс, яхонт и яшма, гранат и опал.

А мальчишка, от старого мага удрав,
Шел рядами урюка, арбузов и трав.
Он вбирал в себя лица и слов кутерьму,
Пестрый мир, где гореть предстояло ему.

Казалось, соседа беда не берет.
Известный удачей и силой,
Он крепок и весел и чернобород...
Но жаром его подкосило.
В слезах его мать от утра дотемна, —
Один он на свете у старой.
Кого ни звала к нему только она,
А легче больному не стало.
Вот-вот задохнется в беспамятстве он...
И женщина, плача от страха,
Взмолилась:

— В науках ваш сын умудрен,
Пришел бы во имя Аллаха.
— Ты слышишь, Хусейн? — обернулся отец,
Дивясь на сыновнюю славу.
А сын поклонился и вынул ларец,
И стал отбирать в него травы.
Домашние грустно глядят ему вслед —
Красив он и статен, но, боже,
Юнец звездоглазый шестнадцати лет,
Ну чем он больному поможет!

А в доме соседа то крики слышны,
То словно бы всплеск непогоды, —
Надменный астролог стоит у стены,
Почтительный лекарь поодаль.
В своей высоченнейшей шапке обмяк
На коврике маленький дервиш.
А возле постели витийствует маг
На взмахе, на взводе, на нерве.
— Напрасно явился ты, юный мой брат, —
Вошедшему молвил астролог, —
Я спрашивал звезды, они говорят,
Что век у больного недолог.
А юноша не был еще Ибн Синой —
Лишь книги при нем и догадки.
Лежал его первый тяжелый больной,
Лежал и горел в лихорадке.
Еще неумело, почти наугад,
Чтоб только утешить старуху,
Он пульс отыскал, как учил Гиппократ,
К груди приложил свое ухо.
Полуденным жаром больной полыхал,

В нем что-то протяжно свистело.

Придвинулся дервиш:

— Ну что, услышал,

Как демоны рвут его тело?

Аллах повелел им терзать его грудь —

Ничто не спасет человека.

Никто не посмеет в него заглянуть,

Ни маг, ни астролог, ни лекарь.

И трудно глазам удержаться от слез,

И словно бы руки связали.

Вот так задохнулся вчера водонос,

Свалился при всех на базаре.

От жара немного поможет трава.

Не глядя на старших, молчал он.

Готовил лекарство. Часа через два

Больному слегка полегчало.

Он знал: ненадолго. Он кинулся прочь,

Охвачен мятежным угаром.

Бежал он, пока не надвинулась ночь,

По старым бухарским базарам.

Впервые он видит, как близится смерть,

Как давит... Какой же он лекарь!
Он должен понять ее, должен успеть
Отнять у нее человека.
До старого кладбища путь недалек.
В лачуге, поставленной косо,
Он сторожу в руки сует кошелек:
— Ты вырой мне труп водоноса.
У сторожа заledenели виски,—
Такого еще не слышал он.
За это его разорвут на куски
И бросят голодным шакалам.
У старого сторожа рваный халат.
Трясутся испуганно руки.
«Аллах не простит», — его губы хрипят.
А деньги?.. О, сладкие звуки!

В лачуге на тихом краю Бухары
Под светом, мерцающим скупом,
Юнец одержимый до птичьей поры
Возился с ножом возле трупа.
Подкожная тьма от бровей до колен

Ему открывалась впервые.
Как прав был Гален, как неправ был Гален,
Как сотканы сложно живые.
Понять все, что нужно, для завтрашних, тех,
В ком смертный завяжется холод.
...А мозг был похожим на грецкий орех,
Когда его череп расколот...
Искал он ответа на главный вопрос
И понял, в обмен на отвагу,—
От жидкости в плевре погиб водонос,
Она задушила беднягу.

Он снова зарыт перед вспыхнувшим днем.
А день уже шел по-иному.
С глазами, горящими вещим огнем,
Явился ученый к больному.
Потребовал он у хозяйки вина.
Торжественен, светел и странен.
Сказал четверым, что очнулись от сна:
— Сейчас мы на демонов глянем.
Нож вымыл вином, словно смыл с него ложь.
Угадывая победу,

Спасительный нож, самый первый свой нож
Он ввел между ребер соседу.
Вот так начался Ибн Сина. Впереди
Признание, бессмертье, скитанья...
А жидкость толчками течет из груди,
И вот уж ровнее дыхание.
Волнение немислимое затая,
Ученый глядел, познавая,
Как властно выходит из небытия
Душа человечья живая.
Больной приподнялся. Больной говорит,
И вид у него не мертвецкий.
— Что было со мной?

Врач ответил:

— Плеврит, —

И вдруг улыбнулся по-детски.
Тих дервиш. У мага глаза не горят.
И спорить о демонах поздно.
А врач обернулся к астрологу:
— Брат,
Привет передай своим звездам.

В Бухаре уже знают талант его зрячий,
Все растет возвращенных им к жизни число.

А он сам сомневается в каждой удаче,—
Может, просто опять в этот раз повезло.

И особенно после того самаркандца —
Ибн Сина шаг за шагом лечил его сам,
В этот вечер больной уже стал подниматься,
Веселеть, улыбаться врачу и друзьям.

В чем ошибка? Под утро ему стало хуже,
И с последней звездой он молча угас.

В умиравших глазах отпечатался ужас, —
Ибн Сине никогда не забыть этих глаз.

Он считал себя неучем. Не было сладу
С жаждой знать,

отделять и вычеркивать ложь.

Он ходил на базаре по книжному ряду,
Только нужную книгу не сразу найдешь.

Знал Коран наизусть, да какой в том прибыток!
Знал законы, их мог толковать на ходу.

И не знал что-то главное...

Может быть, скрыто

Это главное в тихом эмирском саду?
Недоступно, неведомо для человека,
Если он не из царствующей семьи,
Там Хранилище Мудрости — библиотека
Бережет многодумные тайны свои.
Вновь он роется в книгах на старом базаре,
И его уже помнят доставщики книг —
То его стариком-Гиппократом одарят,
То, глядишь, и Гален из-под пыли возник.
А астрологи, муллы все злей и угрюмей
Перед ним опускают огонь своих глаз.
Завещавший богатство мечети —

не умер,

Потому что вот этот Хусейн его спас.
Он, поникшую жизнь вырывая из праха,
Их немалым доходам мешает порой.
Злые тени грозят ему карой Аллаха,
Карой неба. А может, и карой людской?
...Ночью с улицы к ним застучали упрямо.
Он вскочил, ошарашенный шумом ночным.
Возле дома стояли солдаты-гулямы.

Оказалось, гулямы явились за ним.
Он накинул халат. Мать, затихшая в горе,
И соседи, проснувшись, глядят ему вслед.
Вот что значит со слугами божьими спорить...
А такой он был добрый... В семнадцать-то лет...
Вдоль дувалов его чуть не волоком тащат.
И при этом орут:

— Побыстрее, юнец!

Не тюрьма ли их ждет, что решетки таращит?
Нет, тюрьма в стороне. Путь привел во дворец.
Дверь открылась. Придворный с кривою усмешкой
Поманил его пальцем под каменный свод.
На ступенях крутых обернулся:

— Не мешкай.

Светлоликий тебя, недостойного, ждет.
«Что?» — Хусейн испугался. Зачем он эмиру?
Может, скрыться поможет бухарская ночь?
Он не знал, что эмира болезнь надломила
И врачи не сумели эмиру помочь.
Вот тогда и послали за ним. Он не помнит
Ни нахмуренных лиц, ни халатов цветных,

Ни наполненных дивною роскошью комнат...
Светлоликий был жив, но безжизненно тих.
Знал Хусейн, чем грозит неудача. Тревожно
Билось сердце в сиянье дворцовых огней.
Хорошо, что болезнь оказалась несложной,
За три дня безотлучных он справился с ней.
И запомнилось только, — на утренней сини
Маски лиц — удивление, страх, торжество...
Зал заполнен людьми. Он стоит посредине.
Светлоликий, прищурясь, глядит на него.
— Ты, юнец, от болезни избавил эмира,
Значит, есть в тебе счастье, талант в тебе есть.
Чтоб монаршую милость молва не срамила,
От эмирских щедрот что тебе преподнести?
Длинногривых коней самой солнечной масти?
Должность в вечной прохладе эмирских палат?
Волооких красавиц с ресницами настееж?
Грудю золота? Или парчовый халат?
— Нет, — ответил юнец, — я в желаньях умерен.
Но я знаю, что ты всемогущ и велик.
Ты открой мне в Хранилище Мудрости двери.

Допусти меня к медленной памяти книг.
— Это все? — удивился эмир непритворно. —
Ты не шутишь? — Он двинул алмазным перстом. —
Бескорыстье ребенка! — вскричал он
придворным. —

Он об этом не раз пожалеет потом.
И усмешки по лицам запрыгали тенью.
А юнец, поклонившись почтительно им,
Стройный, строгий, пошел, не теряя мгновенья,
Прикоснуться к великим предтечам своим.

Как повелел всевидящий Аллах,
Здесь, в сердце азиатского простора,
Отцом его был добрый Абдаллах,
А матерью красавица Ситора.
Под Бухарою в Афшане рожден, —
В мальчишеском азарте сновидений
Где тот момент, когда почуял он
Внезапно обозначившийся гений?
Что значит гений?

Просто свет такой,
Которого другие не видали,
Тот вещий зов, тот вещий непокой,
Высвечивающий иные дали.
То ощущение острой правоты,
Которое до смерти душу гложет, —
Что можешь ты, а значит, должен ты
То совершить, чего никто не может.

Отец едва угадывал родство
Ребенка с миром тесным и пустынным.
И сам не знал — гордиться надо сыном
Или страдать заране за него.

Все горит и горит Бухара, на заре
Прошлым утром подожжена.
По горящей земле, по ночной Бухаре,
Задыхаясь, идет Ибн Сина.
Он писал свою первую книгу. Беда
Оборвала работу и сны.
Кто поджег Бухару — кочевая орда
Или лютый Махмуд из Газны?
С первых стонов на улице был Ибн Сина.
Кони в пене, свистящий металл...
Рядом с ним голова старика снесена,
А лачугу огонь разметал.
Он забыл о часах, обожженных леча
Или раны бинтуя в жаре.
К ночи стихло.

В крови земляков до плеча
Он идет по ночной Бухаре.
За дувалом дымится обугленный сад.
Тень по серому пляшет лицу.
Ибн Сина опускает измученный взгляд —
Он не может помочь мертвецу.

Ноги сами ведут, он у них в поводу, —
Полетел бы, да не дали крыл.
Ждет Хранилище Мудрости в царском саду,
Где он столько богатства открыл!
Доверялись ему Птолемей и Евклид,
Аристотель беседовал с ним.
Этой ночью вернуться к ним сердце велит.
Он идет, нетерпением гоним.
А навстречу вздымается черный огонь,
Тень гулямов-солдат на огне,
И разубранный золотом бронзовый конь,
И пришелец-султан на коне.
Убыстряя шаги через свет, через тьму,
Понимает уже Ибн Сина —
Это книги горят, задыхаясь в дыму,
Это стонут в огне письма.
Он к пожарищу рвется, но копыта стоят,
Преграждая дорогу ему.
И тогда, раздирая о копыта халат,
Он к султану бежит самому.
— Прикажи потушить! — его губы кричат.

Тот сужает задымленный глаз:

— Богомерзкие книги дают этот чад,

Чтобы светоч Корана не гас.

— В этих книгах вся мудрость земли сплетена,

Ты и к книгам беспомощным лют.

Забавляешься смертью!— кричит Ибн Сина.—

Ты забыл, сам ты смертен, Махмуд!

— Что ж, бухарец,— султан усмехнулся,— пророчь!—

И столкнул его с места конем.—

Мне убить тебя надо за дерзость. Но — прочь!

Не мешай любоваться огнем.

Ветер был. Он золою засыпал весну.

Птицы в голых ветвях не поют.

И унес из родной Бухары Ибн Сину

Прошагавший по пеплу верблюд.

Караванщик, знакомец с мальчишеских дней,

Видит слезы на добрых глазах.

— Я, как книга, беспомощен был перед ней.

— Перед кем?

— Перед смертью.

В слезах

Все, что напрочь отрезано или мертво

И назад не вернется уже.

Двадцать лет — это юность?

Смотря для кого.

Боль и злоба к Махмуду в душе.

Покачал головой караванщик:

— Ты мудр,

Но иначе зовется беда.

Если б вправду там был газневийский Махмуд,

Ты живым не ушел бы тогда.

Видишь, город ученых — Гургандж впереди,

Весь в дворцах и аллеях чинар.

Как придем туда — прямо к везиру иди,

Там мудрец не один начинал.

Поднимался Гургандж у реки на плече...

И не думал, не знал Ибн Сина,

Что бухарская слава о нем, о враче,

Здесь в столице Хорезма слышна.

Сам везир — старец с мыслью, парящей в веках, —
Поднялся перед ним, как судьба.
Вот и служба у шаха, и деньги в руках,
Чтоб купил себе дом и раба.
Есть ли место печальнее рынка рабов?
Он идет мимо взглядов тупых,
Мимо слез, мимо горько опущенных лбов,
Мимо глаз и на слезы скупых.
В этом мире страданья, беды и тоски
Вдруг хлестнул его девичий взгляд.
А глаза так отчаянны, так широки,
Что, наверно, ресницы болят.
Рослый работороговец с лицом, как урюк,
Молчаливо ощеривший рот,
Из пятнадцатилетних девчоночьих рук
Несмышленыша-мальчика рвет.
— Стойте! — властно велел Ибн Сина. —
Мой товар!
Огрызнулся купец:
— Не тревожь!
Покупает мальчишку вон тот сыровар,

А сестру его не оторвешь.
Что в ней было? Невылитых слез тишина?
Ветер черных волос у лица?..
— Покупаю обоих,— сказал Ибн Сина
И увел их домой от купца.
Дома к легким ногам его пала Ширин.
К ним — губами и пламенем скул.
Поднял девушку новый ее господин
И в глазах у нее утонул.

А назавтра его пригласил хорезмшах.
У эмира в бухарском дворце
Надо было рассчитывать каждый свой шаг,
Благолепье храня на лице.
Здесь встречал его юноша, сверстник встречал.
Их глаза друг для друга зажглись.
Шах рукою обвел несмолкающий зал:
— Вот, прошу в мой ученый меджлис!
Что такое меджлис? Голоса, и чалмы,
И халаты из всех городов.
Острословы, хранители истин, умы,

Сочинители длинных трудов.
Здесь читались трактаты, звенели стихи.
Ибн Сине оказались сродни
Добрый седобородый гигант Масихи
И великий аскет Бируни.
Астроном Бируни был хозяином звезд,
С ним бухарец поспорить любил.
В споре каждая мысль поднимается в рост,
Прибывает сомнений и сил.
— Вечен мир,— восклицал он,— и не сотворен.
— А Аллах?— шурил глаз Бируни.
— Он велик,— отвечал Ибн Сина,— только он
Непричастен к созданию земли!
Не причастен он к людям — в глазах у меня
Бухары разметававший прах,
Мертвецы и сокровища в пляске огня...
Если есть, где же был он, Аллах!
— Брат,— шептал Бируни,— не пойму одного
Или застят мой взгляд облака,—
Во Вселенной я место ищу для него
И найти не умею пока.

Что такое меджлис? Меж невежд и ханжей
Это маленький остров. На нем
Голос истины громче и воздух свежей,
День сливается с завтрашним днем.

...Масихи был одним из ученых врачей,
С Ибн Синою характером схож.
И не сразу поймешь, чей диагноз точней,
Чей верней хирургический нож.
Вместе с тем он наивную веру таил
В то, что жизнь его звездам видна.
Он вздыхал:

— Лютый враг мой звезда Альтаир,
Горе мне, если близко она!
Масихи был, наверное, старше втрое,
И советы его глубоки.
Но не только к нему, а уже к Ибн Сине
Шли хорезмские ученики.
А когда оставался один Ибн Сина,
От друзей два часа оторвав,
Он спешил в свой мирок, где была тишина

И кипели отвары из трав.
Познавал он металлы и звездную стынъ,
Связь ушедших и новых времен.
Понял тайну рождения гор и пустынь,
Здесь задумал «Врачебный Канон».
Но в каких бы глубинах ему ни греметь,
Помня счет человеческих бед,
На подушках напротив усаживал смерть,
Чтоб понять, как сломать ей хребет.
Вел он с нею свой давний, свой яростный спор,
Забирал потихонечку власть —
То целебный настой возникал, то раствор,
То рождалась волшебная мазь.
Смерть идет вслед за каждым все долгие дни,
Словно камень летит из пращи.
— Я найду ее тайну, поверь, Бируни!
Друг в ответ улыбался:

— Ищи.

Имена их сплелись в пересменке веков.
Так и жить бы до поздних седин —
Открывать, сомневаться, лечить бедняков,

А потом возвращаться к Ширин.
В этой девочке столько хранилось тепла,
Женской неги и детской игры...
Каждый миг она неповторима была,
Расточая без счета дары.
А в тот вечер был полон любовью весь мир —
Беззащитен, бездонен и тих.
И планета Сатурн, и звезда Альтаир,
Не мигая, смотрели на них.

Поздно ночью его оторвали от сна —
Шах зовет. Разве шах занемог?
— Что случилось? — спросонок спросил Ибн Сина.
Раб ответить на это не мог.
Не причуда, над шахом забравшая власть,
Не болезнь разбудила дворец.
К ним в Гургандж беспокойная весть ворвалась —
От султана Махмуда гонец.
В этот раз не соцветье шелков, не казну,
Не красавиц с метелью в глазах,
Тех ученых велел он доставить в Газну,

Что собрал у себя хорезмшах.
Шах печально глядит на ученых друзей.
Разве в чем-нибудь он виноват?
От султана зависит он жизнью своей,
На султанской сестре он женат.
— Шах! — поднялся старик Масихи в тишине. —
Что мне делать — никак не пойму?
Меч ислама — Махмуд; христианину, мне
Ехать прямо на плаху к нему.
— Шах, — сказал Ибн Сина, поклонившись, —
прости

И спасибо на все времена.
Но к султану Махмуду мне нету пути,
Лучше смерть для меня, чем Газна.
Не ученого ищет султан, а льстеца,
Чтоб на всех газневийских углах
Славил имя его и твердил без конца
Вместо истины слово «Аллах».
Шах сказал:

— Пусть бы я запечатал свой рот,
Твое имя повсюду в ушах.

Рано утром султанский посланец придет.

— Но ведь есть еще ночь, о мой шах!

— Да, но что тебя ждет в каракумских песках?

А в Газне и почет, и покой,

И довольство, и слава, и дом...

— О мой шах,

Видишь, звезды горят над рекой?

Можно двигаться целую ночь напролет...

Шах смахнул на прощанье слезу.

— Сам тебя доведу я до главных ворот,

Проводник и верблюды вниз.

Вот и все. Оставалось забыть про дела,

Взять Ширин и пойти по земле.

Он вбежал. А любимая тихо спала.

Пальцы словно струились в тепле.

Как ей, тоненькой, перенести переход —

Семь хорезмских песков впереди.

И куда он отсюда ее приведет,

Где совет ей гнездо на пути?

Так сидит он, не двигаясь, может быть, год...

Или час, или десять минут...
Чернокрылые волосы в руки берет —
Где для них он отыщет приют?
Только выбора нет. Он уходит во тьму,
Оставляя ей шепот скупой:
— Спи, Ширин. Вот найду, где раскинуть кошму,
И тотчас же пришлю за тобой.

Кто же знал, что, скрываясь, меняя жилье,
За песчаными стопами вьюг,
Больше он никогда не коснется ее,
Этих легких, единственных рук.
Вместе с ним уходил Масихи, уронив
Две слезы из-под старческих век.
Ибн Сина от прохлады урючин и слив
Начинал иссушающий бег.

Колючий куст саксаула верблюд обогнул.

И слегка

Вдоль щеки потянуло прохладой издалека.

Светило окутав тенью, столб серой пыли возник.

Что это за виденье?

— Буря,— сказал проводник.

Верблюды легли без приказа. Ветер хлестнул

нараспев.

И люди упали сразу, поклажу снять не успев.

И тут же ударил наискосок

Желтый песок, серый песок.

Соседний бархан нелепо качнулся и, как живой,

Вдруг заплясал по небу под тонкий шакалий вой.

Иголками колет,

бьет в висок

Черный песок, красный песок.

Поняв, что песок — хозяин,

в последний миг Ибн Сина

Увидел, как на глаза им обрушивается стена.

Обрушивается в потемках, неведома и страшна,

Обрушивается так громко, что вдруг пришла
тишина.
Его, отшибая память, мотало, как тряпки кусок,
А он пытался ногтями, коленями врыться в песок.
И вновь погружался в небыль,
зубами не доскрипя...

...Висело звездное небо, когда он пришел в себя.
Жизнь вернулась, как чудо, а вместе с нею беда —
Нет спутников, нет верблюдов, и ни одного следа.
Под млечным недвижным потоком вычерчивая
круги,
За двести шагов к востоку нашел он труп Масихи.
Укрыт бородой, как тучей, раскинув ветви рук,
Такой большой и могучий лежал его старший друг.
Чтоб не достался шакалам, вдали от людских
дорог
Он друга мало-помалу укрыл в каракумский песок.
Стоял он, в молитве склоненный над местом, где
спит старик,

Стоял он, освобожденный
от дружбы, от споров и книг.
Освобожденный от счастья,
куда замело следы,
От ненавистой власти, от пищи и от воды.
Глазами взглянув пустыми на все, что стыло
вокруг,
Он двинулся по пустыне, по желтым звездам на юг.
Когда ослабели ноги,— с пустыней наедине,
Стараясь не сбиться с дороги, пополз он, как краб
на дне.
Вот если б он верил, имя призвал бы на помощь в
песках...
Несхожий с богами другими, лица не имеет Аллах.
Никто не смутил его сана ни кистью и ни
резцом,—
Но вот он глядит с бархана Махмудовым плоским
лицом.
Кричит Ибн Сина, оробелый:
— Пока я еще живой.
Если ты есть, то сделай песок хоть на миг травой!

Прерывистое дыханье уже не подвластно ему.
Хохочет лицо на бархане и пропадает во тьму.
Вот это начало смерти. Давит палящий свод.
Нет, черт побери, он терпит, он до воды доживет!
Вода казалась рядом, булькая и дрожа.
То рушилась водопадом, то каплей стекала с ножа.
Он к ней подползал через пламя, почти
настигал ее,
Дотягивался губами — и падал в небытие...
Очнулся, смутный и пьяный, пустыней по горло
сыт.
И понял вдруг, что с бархана Ширин на него
глядит.
С неизъяснимой болью, испуганна и бледна,
Через песчаное поле зовет его молча она.
Рванувшись к Ширин навстречу, сжав пахнувший
кровью рот,
Он небо поднял на плечи, и встал, и шагнул
вперед.
Багровое солнце заходит, а справа, под солнцем
почти,

Заброшенный старый колодец стоит шагах в
десяти,
Две горсти воды он выжал, и выжил в мертвом
краю.
И вышел, все-таки вышел к живому людскому
жилью.

Умирая в безводной песчаной жаре,
Выползая из желтой глуши,
Выплывая из бреда навстречу заре,
Он писал «Исцеленье души».
Он писал иступленно, бессонно, остро,
Хоть бумаги ни листика нет,
Хоть в дрожащей руке не держал он перо, —
Но пылал его памяти свет.
Выпал жребий ему заглянуть через край
Занавески над вечною тьмой...
Он добрался в Джурджан, в караван-сарай,
К людям, крыше, к бумаге немой.
В складках пояса пять уцелевших монет.
— Вот, хозяин, тебе мой расчет.
Все отдай за бумагу. А мне на обед
В день лепешку без лишних хлопот.
Он закрылся в каморе, забыв обо всем,
Жадно щуря заждавшийся глаз.
И голодная мысль в озаренье своем
По упругим листкам понеслась.
Хлеб не тронут. За сутками сутки спешат.

Таает стопка листов в тесноте.
И все мельче пера озабоченный шаг,
Вот оно на последнем листе...
Все. Истаяла стопка. Перо не скрипит.
Он очнулся в прохладе ночной:
Кто-то молится рядом, а кто-то храпит,
Кто-то стонет за легкой стеной.
Стонет? Впрямь. Он идет туда, мысль оборвав.
Вот опять полусмерть перед ним.
Ибн Сина сочиняет лекарство из трав,
До рассвета сидит над больным.
Видно, конь того сбросил на камни. Черна
Его рана, в ней черви и гной.
И снимает чалму с головы Ибн Сина,
Чистит рану, бинтует чалмой.
Тем больным был купец, сын песков и степей,
Караван собиравший с весны.
Он бы так и не вышел из кельи своей,
Не случись за стеной Ибн Сины.
Щедр спасенный купец. Есть бумага теперь

И халат побогаче иных.
Но не может ученый закрыть к себе дверь —
Столько вдруг оказалось больных.
За угрюмым недугом врачуя недуг,
Одаряя добром бедняков,
Возвратился он снова на главный свой круг,
Круг скорбящих и учеников.
С ними он во дворе чуть не целые дни.
И однажды, без спроса, как все,
Здесь в Джурджане явился к нему Джузджани,
Тонконогий птенец медресе.
И, упав на колени, ладонями вниз,
Незнакомый воскликнул юнец:
— О великий мудрец Ибн Сина, шейх-раис,
Я тебя отыскал наконец!
Ибн Сине показалось, что высверкнул нож
Или вновь начинается бред.
— Почему меня именем этим зовешь?
— Там в мечети висит твой портрет.
Не рванулась, не дрогнула бровь Ибн Сины,
Только чуть призакрылись глаза.

А тяжелые думы отравой полны,
Словно яд в них метнула гюрза.
— Лжешь, — сказал он юнцу, — запрещает ислам
Кистью к лицам касаться людским.
— Что же делать, учитель, но я видел сам
И рисунок и подпись под ним.
Приглашение к султану Махмуду в Газну
И посулы немалых наград
Тем, кто скажет властям, где найти Ибн Сину,
Если сам ты явиться не рад.
Ибн Сина полуслушал, в беду погружен, —
Что за новость в исламских делах?
Впрочем, если Махмуд пожелает, то он
Сам себе и султан и Аллах.
А откуда ж портрет? Было, помнится, так —
Там, в Хорезме, в их век золотой,
В час застолья, шутя, математик-чудак
Набросал его профиль крутой.
Подивились друзья, как похож его рот,
Бороды зачерненный овал.
И не знал Ибн Сина, что портрет его тот

Прямо в руки Махмуда попал.
А Махмуд объявил, что желает Аллах
Так размножить портрет, чтобы он
В сорока городах на соборных стенах
Был для всех мусульман утвержден.
Тень султана тянулась за ним по песку,
Ставя каждому шагу предел.
— Прочь, — сказал он незваному ученику,
С камня встал, на котором сидел.
— Донеси, — он сказал, — сразу станешь богат.
Но вцепился в халат Джузджани.
Ибн Сина попытался отдернуть халат.
Джузджани удержал.

— Не гони!

Ибн Сина недоверчиво из-под руки
Кинул взгляд вдоль его худобы.

— Что ж ты хочешь?

— Хочу к тебе в ученики,
В слуги, если прикажешь — в рабы.
Я спешил, чтоб с тобой не случилась беда,
Чтоб сказать: тебя ждет кабала.

Завтра утром придут за тобою сюда
Стража, кади-судья и мулла.

...Той же ночью ушли из Джурджана они,
С этой ночи вдвоем навсегда.

От одной западни до другой западни
Шли, стремясь не оставить следа.

Ученик оказался понятлив, и смел,
И словами негромкими здрав.

И уже он лекарства готовить умел,
Находить сочетание трав.

Ибн Сина помогал ему взрезать черту,
За которой бесстрашнее взгляд.

Тот одни его мысли хватал на лету,

А к другим еще был глуховат.

Тяжкий путь их сначала повел на восток,

Но в мечети глядел со стены

В каждом городе на перекрестке дорог

Злополучный портрет Ибн Сины.

Зря учитель лицо от людей закрывал,

Неуверенным был его шаг,
И, казалось, грозит ему каждый дувал,
Узнает его каждый ишак.
Вот схватил его за руку нищий старик,
Хитрым взглядом блеснув молодым.
Упустил. И вослед ему выдохнул крик,
И погнался, хромая, за ним.
Повернули на запад. В обход городов
По пескам пробирались они.
Вот когда Ибн Сина оценить был готов,
Что с ним рядом идет Джузджани.
Этот мальчик, едва начинающий жить
Под шуршанье верблюжьих копыт,
Был согласен не спать, и не есть, и не пить,
Лишь бы только учитель был сыт.
Шапку дервиша, плащ, весь в заплатах дорог,
Он достал, чтобы легче был путь,
Чтоб без страха учитель и друг его мог
В городской чайхане отдохнуть.
Ощущая беду, все быстрее и быстрее
Ибн Сина покидал города.

И пришел наконец он в приветливый Рей,
Где царила тогда Сайида.
Он лечил ее сына, завел себе дом,
Весь в плену рукописных листков,
И уже, как всегда, появилась при нем
Стайка юношей-учеников.
Вновь больные тянули ладони к нему.
Но недолго ласкал его Рей.
Запылали лачуги в лиловом дыму...
Что случилось?

Махмуд у дверей.

Снова тихий верблюд безотказно возник.
Вот приют твой — верблюжья спина.
В тертом вьюке листки недописанных книг
И лекарства твои, Ибн Сина.
Лишь до первых барханов успели дойти
И еще не спустился закат,
Как послышался топот и свист позади —
Это кони за ними летят.
И передний впритык осадил скакуна,
Крикнул, счастлив удачей и зол:

— О великий мудрец, шейх-раис Ибн Сина,
Наконец-то тебя я нашел!

— Кто ты?

— Добрую весть мои кони несут.

Чтоб тебе не скитаться в песках,
Ждет в Газну тебя сам ясноликий Махмуд,
Значит, сам милосердный Аллах.
На закате пустыня песками красна.
Все иным в этот миг предстает.
— Я не тот, кого ищешь,— сказал Ибн Сина.
Джужджани отозвался:

— Не тот.

Всадник грудь почесал узловатой рукой.

— За тобою следим мы давно.

Лишь Махмуд тебе даст и приют и покой,
Без него пропадешь все равно.

Он — десница Аллаха и он — его меч.

Он зовет тебя. А не пойдешь —

Кто же сможет тебя от расплаты сберечь,
Видит небо — горяч его нож.

Дерзкий всадник с нерадостным постным лицом

Ерзал весь, словно он танцевал.
А пока его кони и люди кольцом
Обвели, не приблизясь, привал.
Ибн Сина покосился на нож и копье,
Усмехнулся.

— Ну, что ж, не робей.
Вот, палач, беззащитное сердце мое.
Никуда не пойду я. Убей.
— Ищешь смерти? — палач заглумился. —
Не тут!

Не спеши... Как могу я посметь!
На кол, в петлю, в костер — коль захочет Махмуд,
Веселее придумает смерть.
— Это просто — убить. — Всадник спрыгнул с
коня. —

Нож мой маленький весел и шустр.
Но сначала ты вылечить должен меня —
Я, как пес шелудивый, чешусь. —
Закатал он свои шаровары:
— Гляди! —

Грудь рванул, безутешен и лют.

На ногах раскарябано все, на груди,
Всюду смрадные струпья гниют.
Ибн Сина усмехнулся:

— Хватай же свой нож

И от собственной смерти беги!
Завтра заживо сам ты, злосчастный, сгниешь.
А палач прохрипел:

— Помоги!

— Я не тот, — повторил Ибн Сина, приглядысь,
Словно язвы и струпья ценя. —

Если все-таки дам я волшебную мазь,
Ты оставишь в покое меня?

— Неужели поможешь? — воскликнул палач
И упал на колени в песок.

В грубый голос вплелись полустон-полуплач,
Банку с мазью он взял, как цветок.

Открывая ее, задрожала рука —

К этой банке нелегко был путь.

Воспаленную грудь он помазал слегка —
Чудо! Больше не чешется грудь.

Все палач получил...

Джузджани рассчитал:

Вот сейчас он возьмется за нож.

Между ним и учителем юноша встал:

— Не его, а меня ты убьешь.

А палач повернулся к пустыне спиной, —

На коня! И, пригнувшись, в намет.

Только крикнуть успел газневийцам:

— За мной!

Мы ошиблись опять. Он не тот.

Ибн Сина поглядел им устало вослед.

— Сумасшедший... — сказал Джузджани.

Ночь рассыпала звездный обещанный свет,

И пошли по пустыне они.

Ни гроша за душой, ни огня впереди.

Вместо золота звездная медь.

Только можно дышать, только можно идти

И на желтые звезды глядеть.

*РАЗГОВОР ИБН СИНЫ С
ПЕСЧАНЫМ ВЕТРОМ*

— Как прохладны пальцы твои, Ширин,
Как влажны глаза от счастливых слез.
Голову кружит ранний жасмин
Или запах твоих волос?
Звон песка или звон стрекоз
Не сумеют меня отвлечь
От черной линии этих кос,
От белой линии этих плеч...

— Господин мой, ты голос моих надежд
Перед Аллахом и перед людьми.
Хочешь, пальцы мои себе возьми,
Хочешь, косы мои отрежь.

— Как пальцы твои горячи, Ширин,
Здесь песок и верблюды во все края.
Без тебя я со всеми совсем один,
Угаданная моя.

— Господин мой, едва ты оставил дом,
Злые люди взломали в нем тишину.

Брат мой, мальчик, мертвый остался в нем,
А меня увезли в Газну.
Там султан Махмуд Газневи,
Постылый, припал к моим губам.
А потом, искусанную, в крови,
Словно тряпку, бросил меня рабам.
Господин мой, нет больше твоей Ширин...
— Погоди, это ветер звенит или ты?
— Господин мой, нет больше твоей Ширин...
— Погоди, я не вижу среди пустоты.
Ширин, откликнись, не может быть!
Где твоя доброта, Ширин?
Как давит зной, как хочется пить...
Как скрючены пальцы твои, Ширин...

Больной не холоден, не горяч,
Без ссадин и синяков.
А врач знаменит. Но какой он врач —
Он бродяга из дальних песков.
Как сайгак, он стремится запутать след
Одинокой своей тоски.
Все бросая внезапно, он столько лет
От султана бежит в пески...
Слава следом за путником щурит глаз,
Но меняет он имена.
Должен заново, заново всякий раз
Утверждать себя Ибн Сина.
А племянник эмира уже полумертв,
Отшатнулись его врачи.
Что ж, доказывай, чем ты умен и горд,
Вот тебе полутруп — лечи!
Ибн Сина замечает усмешки — пусть.
Отодвинув их в тишину,
Отрешенно он погружается в пульс,
Словно рыба в речную волну.
Пульс понятен, как книга, послушен, как раб,

Даже если оттенки малы.
Сбивчив он или ровен, силен или слаб,
Или в виде зубьев пилы.
Много видов пульса ученый познал.
Только здесь он до глупости прост —
Он не мягок, не тверд, не велик и не мал,
Не дрожит, как мышинный хвост.
Еле слышно ведет он свой ровный лад
Без падений и катастроф.
Может биться Ибн Сина об заклад —
Племянник эмира здоров.
А если здоров, почему полумертв?
На коврах лежит чуть дыша.
Почему не ест, почему не пьет?
Чем убита его душа?
— Эй, — сказал Ибн Сина в голубой тишине, —
Город ваш чужой для меня,
Вы кварталы его назовите мне,
Перечислите их имена.
Старый лекарь плечами пожал,
Руки глубже загнал в рукава.

Деревянными палочками по ушам
Застучали его слова.
И при слове «Равшан», как при вспышке огней,
Раскололась вдруг тишина:
Дрогнул пульс и забился чуть-чуть сильней.
— Так, — сказал старику Ибн Сина. —
Кто живет там?

Каждого назови!

Вереницу домов разверни.
Застучал и забился пульс —

«Гарани...

Гарани... Гарани...»

И тогда Ибн Сина наполняет весь дом
Плеском женских имен без числа:
— Сурайя, Гульчехра, Мавжуда, Гульбедом,
И Чахвар, и Ширин, и Лола...
А едва он сказал «Медиме», — и больной
Вырвал руку, как ветвь из костра.
И порывисто выпил напиток хмельной,
Что стоял у постели с утра.
— Это имя скрываю я семьдесят дней.

Прячу в сердце, держу в голове.
Не позволит мне дядя жениться на ней,
Быть с чеканщиком меди в родстве.
Так зачем не даете вы мне умереть?!.
Врач склонился к нему:

— Не беда.

Посмотри, как прекрасна чеканная медь.
Умереть ты успеешь всегда. —
А эмиру сказал он:

— Вот адрес беды.

И теперь тебе вы́брать пора —
Мертвый мальчик, который уснет без воды,
Или праздник любви и добра.
— Как ты выведал тайну? — воскликнул эмир,
Задышал шашлыком, черемшой.
Ибн Сина отвечал:

— Человек — это мир.

Тело лечится вместе с душой.

ДИАЛОГ УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКА

Баллада старика

И б н Сина

За окошком луна и повсюду могильные камни.
Ты перо отложи, Джузджани, твоя помощь нужна
мне.
Но сначала послушай, а мысль моя будет прямая:
Я спасал молодых, у безмолвия их отнимая.
Здесь глубокий старик, с мутным взором, с
морщинистой кожей.
Если б я не пришел, он, наверно, недолго бы
прожил.
Он умрет, его множество мелких недугов задушит,
Но я стану тушить их, и я сохраню его душу.
Вспомни, мой Джузджани, мы без счета болезней
сломили,
А от старости просто не умер никто еще в мире.
Я нашел ему дивные травы, которые редки,
Чтобы в нем обновились усталые старые клетки.
Хватит нам колесить по земле, я останусь с ним
рядом,
С кишлаком его маленьким, с домом его, с его
садом.

И б н С и н а

Стук копыт. Лязг жестокий и дикий...
Крики боли и ярости неутолимые крики...
Нет покоя на свете, стяжатели рыщут повсюду...

Д ж у з д ж а н и

Да, учитель. На улице люди султана Махмуда.
Все узнал я. Пока хоть на миг нас беда миновала,
Сзади дома в пески уведет нас пролом из дувала.
Проводник уже поднял верблюдов. Учитель,
скорее!

И б н С и н а

Не пойду никуда. Ждет меня мой старик. На заре я
Травы дам ему...

Д ж у з д ж а н и

Шутишь! Ну вот, на колени я встану.
Я тебя не оставлю, не выдам на милость султану!

И б н С и н а

Так всегда, только смерть начинаю я класть на
лопатки,
Надо все покидать и куда-то бежать без оглядки.
Если скроюсь — я лжец. Разве этот мне путь
предначертан?

Д ж у з д ж а н и

Он не знает еще, что ты мог его сделать
бессмертным.

Ибн Сина

О ничтожные люди! Сжигайте жилища! Кричите!

Д ж у з д ж а н и

Мы вернемся. Мы завтра вернемся. Ты слышишь,
учитель...

ПРОЩАНИЕ С СУЛТАНОМ
МАХМУДОМ

Газневийский султан Махмуд,
Имя твое века смахнут.
Мир давно бы тебя забыл,
Как другие дурные сны,
Но ты нужен мне, потому что был
Странно связан с судьбой Ибн Сины.
Потому что каждый его ночлег
Мог тобой быть растоптан вдруг,
Потому что жизнь его — вечный бег
От твоих беспощадных рук.
Ты привык, что подвластно в исламской божбе
Все на свете твоим рукам.
Ты хотел, чтобы рабски служил он тебе.
А он людям служил и векам.
Ты силен и зол, вездесущ, многолик,
Наползаешь из темноты...
Но из вас двоих лишь один велик,
И не ты, султан, нет, не ты.
Ты за ним по пятам на восток и на юг
Рассылал своих бешеных слуг,
Но его не догнал ты, А мир темноты

Оковал тебя вечною мглой,
В Исфагане ученый услышал, что ты
Навсегда распростился с землей.
Где наследье твое, властолюбец Махмуд?
Все чертоги твои снесены.
Но идет сквозь века тот бухарский верблюд,
Незакатный верблюд Ибн Сины.

Как вошел в мою жизнь
 тот, чьим именем книга зовется?
Я в ту пору был занят
 судьбой одного полководца.
Александр Македонский —
 философ, убийца, ученый,
Ни минуты покоя
 не знать на земле обреченный, —
Он привел меня в Азию
 древней тропой дерзновенной.
В Бухаре мне открылись глаза
 Ибн Сины — Авиценны.
Может быть, потому
 для меня он нежданно ожил,
Что он был с Александром
 таким бесконечно несхожим.
Может быть, потому,
 что, как тот, не плывя по теченью,
Был он тоже всю жизнь
 в нескончаемом вечном движенье.

Может быть, потому,
 что в песчаной сквозной круговерти
Оба счастья не знали и оба искали бессмертья.
Пролетают столетья.
 Безжалостна времени проба.
Кто звончее? Бог весть...
 Но историю делали оба.

Отдохнувший, с ухоженной бородой,
Из цирюльни он вышел. И сразу
Он увидел прямо перед собой
Два горящих, два яростных глаза.
Руки в тихой мольбе, вкривь и вкось седина,
Голос полон надежды и боли.

— Я тебя по осанке узнал, Ибн Сина.

Не гневись, я пришел за тобою.

— Кто ты?

— Я для великого дела рожден.

Вон напротив мой дом за дувалом.

Был халат его беден, местами прожжен,

Ветерком в рукава задувало.

Дом был пуст, только кучка бумаги жила,

На циновке, распавшись, лежала.

А над ямой в саду два угрюмых котла

Полыхали каскадами жара.

Тот, который побольше, пыхтел не спеша,

Легким облачком пара увенчан.

А хозяин, листками бумаги шурша,

Тянет гостя к тому, что поменьше.

— Я умею из окисла вырвать металл,
Видишь, он у меня прирученный.
Ибн Сина в мелких знаках листок прочитал
И кивнул,— перед ним был ученый.
Ибн Сина загляделся — иная заря.
Мудрой химии строгое царство.
Он ее понимал и любил и не зря
Брал ее элементы в лекарства.
Он давно собирался поглубже копнуть
Мир веществ неживых, нецелебных.
Тронуть, может быть, марганец, может быть,
ртуть,
Поискать сочетаний волшебных.
Вот остаться бы здесь, возле этих котлов,
Перепробовать все...

А хозяин

Тянет гостя туда, где основа основ
Лезет облачком пара в глаза им.
— Погляди же, как дышит котел над огнем,
Как ведет он свой медленный танец.
Медь и олово вместе расплавлены в нем,

Завтра все это золотом станет.
Ты философ, весь мир тебя слушать готов.
Помоги мне с вершины познания —
Мне осталось лишь несколько правильных слов
Вставить в формулу заклинания.
Ибн Сина погрустнел. Он встречал их не раз,
Тех, кого эта страсть закружила.
А хозяин, расширив зрачки своих глаз,
Шепчет в ухо ему одержимо:
— Будет мир на меня с удивленьем смотреть,
Как я сыплю золой золотою.
Я беру тебя в долю, даю тебе треть
Всех богатств, что я завтра открою...
Гость подумал:
«Несчастный... Все в мире темно—
Он не первый и он не последний.
Но металлу в металл перейти не дано,
Медь, как прежде, останется медью».
— Ты молчишь?— удивился алхимик.— Весь мир
Тропы к золоту ищет веками.
Мне почти что открылся уже эликсир,

Философский ты выдашь мне камень!
А печаль, а забота у гостя своя,
Гость листки между пальцами вертит.
«Как мы схожи — он золото ищет, а я
Непослушное средство от смерти.
Он в несбыточный призрак богатства влюблен,
Жаждет желтого мусора, тлена...
Неужели я так же бессилен, как он,
Перед страшным законом Вселенной?..»
— Пусть! — алхимик кричит. — Пусть я нищий
пока,

Но Аллахом надежда дана мне.
Неужели отбросишь меня, как щенка,
Не открыв философского камня?
Надо лишь золотую закваску плеснуть,
И в удаче порукою вера,
Мать металлов — давно мне покорная ртуть
И отец их — угрюмая сера!
Ибн Сина был от слов его громких далек.
Вмяв рассеянно в пояс бумаги,
Вместо них он оттуда достал кошелек,

Отдал все свои деньги бедняге.
— Это все, чем могу я помочь, о сосед.
Дай Аллах тебе счастья в награду.
Философского камня, боюсь я, что нет,
Ну, а доли мне просто не надо.
Он ушел от бессмысленной страстной тоски,
От больных одиночеством окон.
А наутро достал и разгладил листки,
Что с собою унес ненароком.
Виден дьявольский труд. И совсем он не прост,
Этот малый котел для закваски.
В нем селитра и ртуть, спирт, квасцы, купорос—
Все намешано в поисках сказки.
Из листов возникала тревожная суть:
Человек колдовал не впустую.
Но не золото создал —
 гремучую ртуть,
Безудержную силу взрывную.
Ибн Сина, ужаснувшись, отбросил листки,
Позабыв о печалах вчерашних.
Побежал через арки, арыки, мостки,

Как сидел, в своих туфлях домашних.
Побежал, чтоб, ученому правду открыв,
Удержать его...

Вдруг за домами,
Не достигнув цирюльни, услышал он взрыв
И увидел взлетевшее пламя.
Он, мечтающий смерти поставить предел,
В мире, где все законы так зыбки,
Вот опять человека спасти не успел
От простой человеческой ошибки.
А ведь мог бы, наверно...

Все в серой пыли.
Смерть за поиск — обычная плата.
Пепел, прах... А на взорванных комьях земли
Дотлевавший рукав от халата.

ДИАЛОГ УЧЕНИКА И
УЧИТЕЛЯ

Д ж у з д ж а н и

Диктуешь сегодня, и каждая фраза
Такой глубины и такого размаха...
Но вот уже сколько страниц, и ни разу
Нигде не попало мне имя Аллаха.
Ты больше не веришь в него?

И б н С и н а

Почему же,
Мой коврик всегда наготове хранится.

Д ж у з д ж а н и

Нет, нет, мой учитель, в жару или в стужу
Ты молишься, знаю. Но эти страницы...

И б н С и н а

Да, знания полет оголен и опасен,
И движется он по путям неизвестным.
А что до Аллаха, ты прав, я согласен—
Проставь там, где сам считаешь уместным.

Когда дышать совсем не вмоготу,
И черен мир коварный и жестокий,
Он всем наукам подводил черту,
Вплывая в поэтические строки.

Свободно думы нес туда свои,
Клеймил своих гонителей упрямо.
Его отточенные рубайи
Не зря пленили юного Хайяма.

И до сих пор не все понятно нам —
Туманами история объята, —
Что Ибн Сина вписал, а что — Хайям,
В волшебное наследье рубайята.

В середине жизни, бездомной, нескладной,
 После всех городов и стран,
 Он пришел к подножью горы Альванда
 В независимый Хамадан.
 Когда-то глядевший с высот из тумана
 Языческий лев коптится в пыли.
 Перечеркнуто имя твое, Экбатана,
 Бывший древний город мидийской земли.
 Тебя Искандар Македонский когда-то
 Сделал одной из своих столиц.
 Ибн Сина глядит на твои квадраты,
 На развалины славы, павшие ниц.
 Он спешил сюда не к шумному пиру, —
 Его ждет больной хамаданский эмир,
 Длинноименный, как все эмиры —
 Шамс ад Даула абу Тахир.
 Чем он славен?

Ибн Сина видал по дороге,
 Как поля горят, как люди бедны.
 Как плетками требуют с них налоги
 А богатства в лачугах — четыре стены.

Ты назло им спасешь меня!
Ибн Сина оглянулся на них, непонятных.
Он искал глаза, а увидел взамен
Богатых халатов цветные пятна
На алом шелке эмирских стен.
Все сжались — эмир зашелся от боли,
Боясь и не понимая ее —
Он кричал, что живот ему рвет и колет
Кинжала безжалостное острие.
А на скатерти перед носителем власти
Все от сайгаков до перепелов.
В затейливых вазах мудреные сласти,
Вино и в янтарных подтеках плов.
Ибн Сина подал знак — и толпа отблестела,
Откатилась, пятясь и глядя в пол.
Он ощущал эмирово тучное тело,
Словно узел боли и страха расплел.
Сталь кинжала как бы переломилась,
Высшей силой отведена.
Врач объяснил:

— Болезнь эмиров

От жирной еды и большого вина.
Он хлопнул в ладоши. Поварам удивленным
Приказал убрать всю снедь побыстрей.
А подать сюда чашу пустого бульона
И горсть обезжиренных сухарей.
Шамс пробурчал:

— Сухари — отрава...—

Грустно вытянулся, недвижим.
И пошло лечение — отвары и травы,
Прогулки и нерушимый режим.
На третий день вечером, да не ранним,
Врач зашел к больному привычной тропой,
И в ноздри бросился дух бараний,
А в глаза — пиала с шурпой.
Увидев испуганного эмира,
Руку отдернувшего, как вор,
Он схватил пиалу, заплывшую жиром,
И выплеснул на ковер.
Шамс закричал:

— Я тебя ненавижу!

Ты мне надоел. Убирайся прочь.

Ибн Сина повернулся и вышел
В чужую хамаданскую ночь.
Его догнали эмирские слуги,
Едва загремели в воротах ключи.
Эмир сложил, как в намазе, руки
И отвернулся.

— Ладно, лечи.

Изменчивый, словно в горах погода,
Дрогнул беспомощной складкой у рта.
— Знаешь, войску не плачено за полгода
И снова казна у меня пуста.
Что делать, философ?

Он ждет ответа.

Злые слова рвались с языка,
Хоть знал Ибн Сина, походивший по свету,
Что к монаршему уху тропинка узка.
Словно в реку вошел он. Будь что будет!
— Ты хочешь правду, эмир? Ну что ж,
Знай, что царство твое стоит не на людях,
Вокруг тебя только обман и ложь.
Ты не слышишь голос бед непрерывных,

Истощенья и гибели нищей земли.
Из которой последние соки тянут
Шершни жирные и шмели.
Та свора, которой ты доверяешь,
О эмир, безнаказанна и нагла.
Ты завтрашний хлеб у себя отнимаешь,
Обирая подданных догола.
Он ждал, что будет — посадят на кол,
Повесят, заколют, выгонят вон?
А Шамс поглядел на него и заплакал,
Меньше разгневан, чем удивлен, —
Словно дверь в первый раз распахнули настежь...
Ибн Сина свою реку осилил вброд.
— Надо знать закон справедливой власти,
И тогда богатство к земле придет...
На миг легла тишина сквозная
И фальцетом оборвалась:
— Ты знаешь этот закон?
— Да, знаю,
Об этом книгу пишу сейчас.
И Шамса внезапная мысль пронзила:

— Слушай, философ, волю мою —
Я тебя назначаю моим везиром
И царство в руки твои отдаю.
Как понять перепады души человеческой?
Ибн Сина удивленно молчал. А тот:
— Если будешь править так же, как лечишь,
Тебе халат везира пойдет.
Ибн Сине показалось, что он не расслышал.
Своим умением молчать храним,
Он поклонился эмиру и вышел.
Может, просто Шамс посмеялся над ним?
Шел он по улицам Хамадана,
Не зная, куда и зачем спеша.
Новой болью, чужой, незваной,
Заполнялась его душа.
А прямо на улицах, тесных и грязных,
Скрючившись, сидя, валяясь в пыли,
Калеки, увечные в вечных язвах
Гнусавые песни свои плели.
Надо поистине быть великим,
Чтоб люди узнали сытые дни,

Надо резать каналы, рыть арыки,
Как еще в Хорезме учил Бируни.
Прерывая его молчанье,
На узкой улочке и кривой
Вырос верзила-военачальник,
Пространство загородив собой.
В глазах его наглость, вино и удадь.
Ибн Сина потеснился — пускай пройдет.
И подумал — ясно даже верблюду,
Надо быстрее разогнать этот сброд.
Еще вчера незнакомый город,
Внезапно выросший на пути,
Теперь ему оказался дорог
И так захотелось его спасти.
Искандер его в битве у Дария вырвал,
Оставив в нем свой кровавый след.
А он, Ибн Сина, не мечом, а миром
Прославит его на тысячи лет.
Деньги? Занять у купцов по-султански,
А к осени будут накормлены все.
И тогда заложить на земле хамаданской

Дом Исцеленья и медресе.
Душой уже к каждой судьбе причастен,
Он вглядывался во встречающих людей.
Он столько думал о доброй власти,—
Вот тебе царство твое, владей.

Он вернулся к эмиру властным шагом,
Стараясь, чтоб сердцу ровнее стучать.
Он согласен принять для начала на год
Нелегкую эту печать.
Он согласен. Но пусть не суются люди,
Которым не по сердцу станет явь.
Шамс засмеялся:

— Хуже не будет,

Вот тебе слово эмира. Правь.
Утром с соизволенья Аллаха
На везира надели почетный халат.
А он вдруг почувствовал, что от страха
Кончики пальцев его болят.
После всех передрыг, после горестных странствий
Так неожиданно пришла к нему власть

Отыскать, утвердить на земле хамаданской
Между мыслью и жизнью желанную связь.
Слыша мир измученный законный,
Стремясь голоса его различать,
Он давние думы возводит в законы,
Под ними эмирскую ставит печать.
Люди плачут от счастья в лачугах убогих —
Не славить эмира им было б грешно
За то, что с них не возьмут налоги,
Которые нечем платить все равно.
Купцы раскошелились, то ли от страха,
То ли поверив в его звезду.
С войском он расплатился с маху,
Чтоб не идти у него в поводу.
И самое главное — войску отныне
Придется умерить былую прыть —
Идти по домам одной половине,
Другой половине арыки рыть.
Эмир подивился хитрому плану —
Полю — воду, казне — доход.
Пусть не пухнут с жиру, недохнут спьяну,

Пока не начнет он новый поход.
Везир, чтобы не было беззаконья,
Сам поехал туда, где работы вели.
Он даже потрогал первые комья
Гулямами выброшенной земли.
А пока еще Дом Исцеленья не вырос,
Обучая юнцов, совершенствуясь сам,
Всех больных и увечных, голодных и сирых
Принимал он на площади по утрам.

... Заботами мудрыми отягченный,
Доступный пахарю и купцу,
Красивый, величественный, ученый,
Идет везир не спеша по дворцу.
Идет, полон завтрашними делами...
И вдруг, громохая в пятьсот сердец,
Нагло хватают его гулямы,
Без зова хлынувшие во дворец.
Военачальник, тот самый верзила:
— Хватит,— хрипло ему орет,
Мне тоже подходит халат везира,—

И тычет ему кулачище в рот.
Тронный зал утопает в крике.
Везира таща, лезут чуть не на трон.
Они не желают рыть арыки
И не хотят убираться вон.
Они себе устроили праздник, —
Ножи над царством занесены.
Что надо им?

Для начала — казни
Ненавистного Ибн Сины.
Он понял — путь его к смерти распахан,
И молча ждал в руках сторожей,
Что вымолвит наместник Аллаха,
Хозяин этих слепых ножей.
Все предвидел везир, только с войском
Не сумел додумать одно —
Есть у войска такое свойство —
Не любит оружие бросать оно.
Великий владыка, чье длинное имя
Приводит в трепет с давних времен,
Глаза от пола никак не поднимет —

Он чувствует, что зашатался трон.
Наконец проскрипело в примолкшем зале,
С фальцета опускаясь к басам:
— Казнить успеем. Вы опоздали.
Час назад я сместил его сам.

Вот, везир, тебе последняя милость —
Жизнь до времени сохрани.
Чиновная дрянь перед ним расступилась,
А внизу уже ждал ученик Джузджани.
Что теперь, опять отшельнический посох?
Где искать свою долю на этот раз?
— Мне страшно, — сказал Джузджани.
Философ
Скосил свой грустный, свой длинный глаз,
Заговорил, как бы сам с собою,
Подбирая растерянные ключи:
— Пусть лицо твое пожелтеет от боли,
Но если тяжело тебе, молчи.
Стало вдруг нестерпимо душно —
Глаза на него подняла с тоской,

Лепешку выпрашивая, девчушка
С прозрачной, как лепесток, рукой.

Ему дописывать предстояло
«Китаб справедливости» — книгу добра.
Он пальцами бороду тронул устало
И не понял, что в ней полно серебра.
— Джузджани, нам опыт раздумья множит, —
Правитель может казнить, украсть,
Но счастья для всех он создать не сможет,
Беспомощна и беспощадна власть.

Над горою Альванда ветром размыло
Тучу, несущую свежесть дождей.
Он сказал:

— Джузджани, я не вылечил мира,
Что ж, пойдем полечим людей.
Обогнали их всадники на дороге,
Плетьми помахивая, спеша,
Посланные собирать налоги
С людей, у которых нет ни гроша.

От Афшаны до Хамадана
 Для самого себя неожиданно
 Я в путь пошел за Ибн Синой.
 Он был не просто сыном века —
 Мудрец, поэт и вещий лекарь,
 Владевший тайной именной.
 Но без друзей и без халатов
 Через границы эмиратов
 Бежать ему был жребий дан,
 То он везир, то узник бедный
 И у тебя, приют последний,
 Последний город Хамадан.

Как мало был я в Хамадане —
 С одной рубашкой в чемодане
 И с этой книжкой записной.
 Как долго был я в Хамадане
 С его ночными холодами,
 С неутоленной тишиной.

Дом древний осыпает глину,
 Еще торчит наполовину

Над площадью его стена.
Снести его — один лишь росчерк.
Как видно, расширяют площадь,
Где водворился Ибн Сина.
А может, сокрушил дувалы
Везир-философ, как бывало
Порядок в царстве наводя.
Он, ни о чем не сожалея,
Стоит спиною к мавзолею,
Где прах, укрытый от дождя.
Из древних давних далей поднят,
Глядит он в завтра, не в сегодня
И ощущает шар земной.
И мавзолей под лунным светом,
Как вознесенная ракета,
Готов рвануться в век иной.

БАЛЛАДА ПОСЛЕДНИХ
ТРАВ

Вы скажете, это легенда?

Но правда в нее вплетена.

Все дороги Востока

пешком прошел Ибн Сина.

К больному входил, как чудо

в дома бедняков и вельмож,

С ним рядом были повсюду

слово, трава и нож.

Он так изучил все травы

за годы своих мытарств

И столько он приготовил

неведомых миру лекарств...

Всю жизнь он со смертью дрался,

не зная покоя и сна.

А смерть, словно рысь, незаметно

подкралась к нему сама.

Перо уронил он внезапно

и выдохнул сдавленный крик.

Вбежал Джузджани его верный —

помощник и ученик.

Упал на колени, прижался
к руке, невесомой, как дух.
Удары слабого пульса
читал, как молитву, вслух.
Учитель очнулся, чуть слышно,
замедленно говоря:
— Мне снится песок, а в небе
кривая верблюжья ноздря.
— Учитель, ты бредишь? Учитель...—
зашелестел Джузджани.—
Возьми мою кровь и силу.
Помочь тебе чем, шепни.
Учитель вцепился руками
в широкие рукава.
Еще невнятной и тише
стали его слова:
— Ты видишь, там сорок сосудов,
в них сгусток трав и огня.
Если ты будешь точен,
ты к жизни вернешь меня.

Надписаны все лекарства,
 волшебный черед не забудь —
Одно ты вольешь мне в губы,
 другим разотрешь мне грудь,
А если не будет угодно
 меня воскресить судьбе,
Раздай имущество бедным,
 а книги возьми себе.
Да, вот еще... — он приподнялся,
 и воздух схватил рукой,
И тихо осел, и замер,
 морщинистый и сухой.
Забыв обо всем на свете,
 его обхватил Джузджани.
Зачем-то трясет ему плечи,
 будто проснутся они.
Растерянный, одинокий,
 как путник, забывший свой путь,
Он молит и молит Аллаха
 учителя к жизни вернуть.

Как женщина, стонет и плачет,
беспомощно глядя вокруг.
И вдруг замечает сосуды,
которые ждут его рук.
А руки ему непослушны,
как будто он весь костяной.
Но к точности он не даром
приучен был Ибн Синой.
Разжав учителю зубы,
он льет ему снадобье в рот.
То ноги ему увлажняет,
то спину, то грудь ему трет.
Упругим становится тело,
теплее и ширится грудь.
Разглаживаются морщины,
лицо розовеет чуть-чуть.
Стоит Джузджани, пораженный
великим свершеньем земным—
Совсем молодой и прекрасный
учитель лежит перед ним.

Текут благодарные слезы,
а руки лекарство несут.
И вот остается последний,
вдыхающий душу сосуд.
Схватил Джузджани его в руки,
не веря и веря тому,
Что скоро из дальней дороги
учитель вернется к нему.
Пошел, заспешил, поскользнулся,
усталые ноги заплел,
И выронил дивную ношу
на кряжистый глиняный пол.
Глядит он на мокрую глину,
беспомощный крик затая—
Стекают последние капли
несбывшегося бытия.
— Учитель!..
А хмурое время уже заспешило назад—
И лоб ему режут морщины,
и щеки опять бороздят.

С тех пор Джужджани безутешный,
 все соки земли перебрав,
До смерти искал сочетанье
 последних невыпитых трав.
... Я верю, что есть оно в мире —
 в нем жизни людской торжество.
И может быть, новый Великий
 однажды отыщет его.

От глубин преисподней до дальних планет
Мирозданья загадкам нашел я ответ.
Все узлы развязал, все оковы разрушил,
Узел смерти один не распутал я—нет.

Ибн Сина

Я — Ибн Сина, и я же — Авиценна.
Распался прах, но суть моя жива.
Уже тысячелетье во вселенной
Не забываются мои слова.
Я жил в тот век, когда сажали на кол,
Жгли на костре. Был слышен хруст костей.
Жизнь ничего не стоила. Однако
Жил человек, и я лечил людей.
Я жил в тот век, который мне достался,
На клочья был располосован мир.
Везде свой шах, султан или эмир,
И что ни шаг — другое государство.
При жизни я сумел им не поддаться,
Шел по земле, сквозь рубежи земли.

А месть пришла потом — калиф багдадский
Через столетье книги жег мои.
И если б только я в свой срок не умер,
Калифы, шахи или короли
Без разбирательства и без раздумий
Меня бы вместе с книгами сожгли.
Но счастлив я неугасимым светом
Угаданных душой моей времен,
Когда в десятках университетов
Не умолкал врачебный мой «Канон».
И как мне были дороги мгновенья,
Когда мудрец и вещий старец сам,
Склонял лицо над «Книгой исцеленья»
Мой незнакомый брат Омар Хайям.
Мне просто не хватило полувека,
А может, только часа одного,
А то бы я заставил человека
Забыть про слово страшное «мертво».
Мой талисман — трава моя живая
И сердце, что, смиряя бег страстей,
Не остывая и не уставая,

Стучит бессонно для других людей.
Все каждый день меняется на свете.
Бурьяном тропы славы заросли.
Но все равно — повязаны столетья
Одним железным обручем земли.

Забудьте все, чем я страдал, забудьте
Удары вражьих, все до одного.
Забудьте все, что я писал, забудьте
Песок и пепел века моего!
Но в новый век, спеша в иные дали,
Одно оставьте в памяти своей:
Пока другие жгли и убивали,
Я, полумертвый сам, лечил людей.

Я снова вернулся к тебе, Бухара.
Понять мою участь, конечно, несложно—
Тому, кто хоть раз тебя видел вчера,
К тебе не вернуться уже невозможно.
Шумят над тобой голубые века —
Все то, что печально, все то, что священно.
В Хранилище Мудрости наверняка
Сегодняшний новый растет Авиценна.

- 5 "Вашу ложь не приемлю: я не лицемер..."
7 "Может быть, потому он из века иного..."
9 "В поэзии рифма бывает бесценна..."
11 "Почему он внезапно ворвался в мой стих..."
14 На бухарском базаре
17 Баллада первого ножа
23 Баллада первой награды
28 "Как повелел всевидящий Аллах..."
29 Первая баллада бега
42 Баллада песка
48 Вторая баллада бега
60 Разговор Ибн Сины с песчаным ветром
62 Баллада пульса

- 66 Диалог учителя и ученика
- 70 Прощанье с султаном Махмудом
- 72 "Как вошел в мою жизнь тот, чьим именем
книга зовется..."
- 74 Баллада ртути
- 80 Диалог ученика и учителя
- 81 "Когда дышать совсем не вмоготу..."
- 82 Баллада везира
- 96 Хамадан
- 98 Баллада последних трав
- 104 Монолог Ибн Сины
- 107 "Я снова вернулся к тебе, Бухара..."

ЛЕВ ИВАНОВИЧ ОШАНИН

ТАЛИСМАН АВИЦЕННЫ

Роман в балладах

Редактор *Л. Казакова*

Художник *В. Немировский*

Художественный редактор *И. Кириакиди*

Технический редактор *Т. Смирнова*

Корректор *Л. Лебедева*

ИБ № 1620

Сдано в набор 10.06.80. Подписано в печать 19.09.80.
Формат 70X100/32. Р-00085. Бумага офсетная. Гарни-
тура школьная. Офсетная печать . Усл. печ. л. 4,5.
Уч. - изд. л. 3,21. Тираж 100 000. Заказ №3560.
Цена в мягкой обложке 65к. Цена в переплете №7 1р.30к.
Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуля-
ма. 700129. Ташкент, ул.Навои, 30.
Фотонабор изготовлен на фабрике офсетной печати Таш -
кентского полиграфического производственного объединения
"Матбуот" Государственного комитета УзССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли.
Ташкент, ул.Усмана Юсупова, 86.

Издательство ЦК Компартии Узбекистана.
Ташкент, ул. Правды Востока, 26.

ББК 84Р7
0-96

Ошанин Лев.

Талисман Авиценны: Роман в балладах.
-Т.: Изд.лит.и искусства, 1980. 112с.

ББК 84Р7
Р2

